

УДК 94

ЦАРЕВИЧ КНЯЗЬ ФЕДОР МЕЛИКДАИРОВИЧ ДОЛГОЛЯДСКИЙ

© 2012 г.

А.В. Беляков

Рязанский филиал Московского психолого-социального института

feb@gu.ru

Поступила в редакцию 26.12.2011

Представлена попытка обобщения всех имеющихся в настоящее время сведений о казанском царевиче Федоре Меликдаировиче Долголядском. На его примере мы можем судить о статусе иных крещеных татарских царевичей в России первой половины XVI в., биографические сведения о которых не сохранились.

Ключевые слова: Чингисиды, Долголядский Федор Меликдаирович, Россия XVI в., политика христианизации мусульман.

Следует признать, что на настоящий момент из-за отсутствия источников проследить жизненный путь большинства крещеных татарских царевичей (Чингисидов) в России XVI в. достаточно проблематично. Однако допустив, что их судьбы в целом были типичны, мы можем предпринять попытку их реконструкции, используя имеющиеся у нас данные. В связи с этим возрастает значение сведений, сохранившихся об одном из Чингисидов, царевиче князе Федоре Меликдаировиче Долголядском.

До последнего времени исследователи проходили мимо личности царевича Федора. Причины этого следует искать в том, что немногочисленные сведения о нем разбросаны по разным источникам. В своем большинстве это разрядные книги, а также вкладные и кормовые книги ряда монастырей. При этом везде он называется по-разному (Меликтагирович, Долголядский, Царевичев, Идаирович и др.) [1–5]. Только нахождение его останков в 2001 г. при исследовании состояния валунного фундамента, грунтов и основания при замене полов и закреплении фундамента в подклетном храме Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря вызвали интерес к нему [6, 7]. При этом отдельные исследователи приводят более чем спорные гипотезы о тех или иных периодах его жизни. Предпримем еще одну попытку по написанию его биографии, исправив допущенные ранее ошибки. Для этого помимо сведений, непосредственно касающихся царевича, мы будем привлекать наши знания и о других его родственниках.

В 1497 г. московский великий князь Иван III совершил очередной поход на Казань. Он закончился вывозом в Россию хана Али б. Ибрагима, его матери царицы Фатимы, сестры и братьев Мелик-Тагира и Худайкула. Али с женой поселили в Вологде, остальных его родственников – в Карголоме. Именно здесь у царевича Мелик-Тагира появились многочисленные дети. Общее их количество и мусульманские имена не дошли до нас.

Известно, что после смерти Мелик-Тагира крестились его жена и дети [8, с. 171]. Когда это произошло, неизвестно. Скорее всего, дату крещения следует искать незадолго до 1513 г., первого поименного упоминания царевичей. Летом 1513 г. во время литовского похода в Москве остались царевич Петр и его племянники царевичи Василий, Федор, Иван, Лев и Василий «новокрещены». Наличие второго Василия можно поставить под сомнение. Его имя приписано на полях [5, с. 53; 9, с. 134]. Можно предположить, что царевичи помещены в списке в порядке старшинства. В таком случае Федор был вторым сыном Мелик-Тагира.

Царевичи ко времени крещения, скорее всего, достигли совершеннолетия. Из последующей практики мы знаем, что Чингисидов крестили либо в младенчестве (Александр Сафакиреевич, Петр Ямгурчевич) или после достижения совершеннолетия. Первоначально их отправляли под начало в монастырь (как правило, это Кремлевский Чудов монастырь для мужчин и Кремлевский Вознесенский для женщин), где они должны были познакомиться с основными постулатами православия и пройти проверку на искренность намерения принятия святого крещения. После этого при большом стечении народа, высших иерархов церкви, придворных проходил обряд. Взрослых часто крестили в крещенской проруби на Москве-реке. Тем самым неопиты еще один раз должны были доказать истинность своих намерений. К тому же это лишней раз доказывало многочисленным горожанам, собравшимся на яркую церемонию, торжество православия. Для детей делали исключение.

После принятия православия любому иноверцу была положена определенная дача, зависящая от его социального статуса. Чингисиды не являлись исключением. Как правило, им полагался крест, одежда (ведь новообращенный отказывался от прежнего образа жизни, официально он становился полноправным русским подданным, а значит русским); после приема у царя им жаловались шубы, шапки, отрезки тканей, серебряная утварь, соболя, деньги. Размеры дач сильно различались.

После этого взрослым Чингисидам в XVI в. жаловались дворовые места в Кремле [6, с. 288; 10, с. 230]. Для них создавались особые дворы из детей боярских, напоминающие дворы удельных князей [10, с. 229; 11, с. 539–540]. Им жаловались доходы с городов и обширные поместья из дворцовых земель. С высокой долей достоверности все вышеперечисленное следует отнести и к Федору Меликдаировичу. Следует отметить, что с ним появляется и двойная титулатура крещеных татарских царевичей: царевич князь.

Через какое-то время царевича женили. Л. Штайндорф предположил, что супруга царевича Федора происходила из рода князей Воротыньских [12, с. 92]. Однако было установлено, что его женой стала княгиня Евдокия Петровна, племянница волоколамского удельного князя Федора Борисовича, дочь князя Петра Дмитриевича Ростовского и княгини Анны Борисовны [7; 13]. Данная свадьба носила государственный характер. Мы можем представить, как она проходила, по более поздним данным. В церемонии принимали участие родственники жениха и невесты, члены двора великого князя, его родственники и, возможно, сам Василий III. Все расходы на ее проведение (еда и питье, одежда, белье, ювелирные украшения, материя, соболя, а также, возможно, подарки молодым и подарки от молодых великому князю) давались из государственной казны [14].

В приданое Евдокия Петровна принесла «село Щитники и з деревнями, а в нем церковь Благовещенье, да погост Рождество Богородицы, и со всем с тем, что к тому селу, и к деревням, и к погосту потягло истари...». Щитниковская волость располагалась неподалеку от Волоколамска, между реками Исконь и Руза. Со временем село стало называться Долгими Лядами. В.И. Даль отмечает, что ляда – это место, расчищенное от леса и кустов для пахоты или возведения жилья [15, с. 286]. С тех пор в Волоколамской земле эту волость стали называть Долголядской, а царевича Федора – Долголядским. Если это было приданым царевича, то у него должны быть и иные поместья. Но данных о них мы не имеем.

Теперь царевич регулярно упоминается в разрядах как полковой воевода. Однако он также выполнял некоторые дипломатические функции и упоминается наместником. Перечислим все имеющиеся упоминания его служб. В литовском походе 1615/16 г. Федор Меликдаирович возглавлял большой полк на Великих луках [5, с. 59; 9, с. 153]. 1517 г. апрель – царевич Петр Ибрагимович присутствовал на приеме цесарского посла Сигизмунда Герберштейна. У стола, к которому пригласили посла, также находилось несколько крещеных татарских царевичей [8, с. 213, 216]. В это время были живы царевичи Федор Меликдаирович, его брат Иван и, возможно, Василий. 1521 г. – царевич, «как крымский царь пошел из земли назад вон», упоминается береговым воеводой в Торопце [5, с. 67; 9, с. 181]. 1523 г. – царевич Федор Меликдаирович с боярами во время Казанского похода Василия III принимал от имени великого князя польского посла Богдана Довгирдова [16, с. 135–136]. Это первое сообщение об участии Чингисидов в посольском церемониале, при этом не в роли статиста, как это заметно позднее. В августе 1528 г. царевич упоминается полковым воеводой в Торопце [5, с. 72; 17, с. 206]. В сентябре-октябре 1531 г. Федор Долголядский упоминается как наместник в Новгороде [18, с. 150; 19, № 224; 20, № 105–106]. Летом 1534 г. Федор Меликдаирович находился в действующей армии с удельным князем Андреем Ивановичем в Боровске [5, с. 84; 17, с. 245]. В июле 1535 г., по Стародубским вестям, «как литовские люди Гомей взяли», царевич возглавлял большой полк в Брянске и Почепе. Позднее он отмечен в Новгороде Северском [5, с. 88; 17, с. 256–257]. Скорее всего, к этой же дате следует отнести и сообщение о царевиче, известное по 1543/44 г. [1, с. 32]. 29 апреля 1536 г. Федор упомянут как полковой воевода в Молвятицах [5, с. 90; 17, с. 263]. В росписи 13 июля 1536 г. он отмечен как воевода в большом полку в Коломне [5, с. 91; 17, с. 266]. После этого упоминаний о службах царевича в документах не встречается. К сожалению, мы не знаем об истинном военном даровании Федора Меликдаировича. Принимал ли он собственные решения, или же всем руководил второй воевода, как это мы видим во второй половине XVI в. среди служилых Чингисидов, сохранивших верность исламу. Мы можем отметить только одно: у царевича Федора, в отличие от иных служилых царей и царевичей, не отмечено приставов, одна из основных функций которых заключалась в постоянном контроле за своими подопечными [21].

Таким образом, мы видим, что царевич занял особый статус в России. Его можно было сравнить со статусом его дяди Петра (Худайкула) Ибрагимовича, зятя Ивана III. Которого, возможно, одно время рассматривали как претендента на московский престол после бездетного Василия III [22].

Н.А. Егасова предположила более чем спорную версию гибели чингисида. По ее мнению, царевич Федор воспротивился браку своей двоюродной сестры Анастасии Петровны, дочери царевича Петра (Худайкула) Ибрагимовича и княгини Евдокии (сестры Василия III) с престарелым князем Василием Васильевичем Немым Шуйским, первым боярином в Боярской думе, возглавлявшим в то время клан Шуйских. За это князь Шуйский приказал своим слугам убить царевича [13].

Упомянутая свадьба состоялась 6 июня 1538 г. Тогда же Шуйский переезжает на кремлевский двор заключенного в темницу князя Андрея Ивановича Старицкого. Этой свадьбой князь хотел утвердить право старшинства в роде за своими потомками. Некоторые исследователи делают осторожное предположение о том, что данный шаг мог быть вызван и стремлением к захвату власти в Русском государстве при малолетнем Иване IV. Благо Шуйские имели обоснованные права на московский великокняжеский престол [22, с. 26; 23, с. 25]. Следует отметить, что данный брак был призван, в том числе, получить преимущества над родом Бельских, своих постоянных соперников в Думе. Но судьба порой устраивает неожиданные повороты. Дочь от этого брака, Марфа Васильевна, станет супругой Ивана Дмитриевича Бельского [24, с. 49]. Шуйские уже брали за себя женщин из рода Иваны Калиты. В начале XV в. князь Александр Иванович Брюхатый стал мужем Василисы Васильевны, дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича [23, с. 15]. Бельские также находились в родстве с Калитичами. Литовский князь Гедиминович Федор Иванович выехал в Москву в 1481/82 г. В 1497 г. ему в жены дали княжну Анну Васильевну Рязанскую. Ее мать была сестрой Ивана III [25, с. 124]. Скорее всего, именно брак Анастасии Петровны и В.В. Шуйского подтолкнул Ивана VI к введению правила, по которому крещеным служилым Чингисидам разрешалось брать за себя в жены представительниц вымирающих ветвей московской знати [14].

Версия Н.А. Егасовой о смерти Федора Долголядского не подкрепляется документально. Более правдоподобной кажется смерть чингисида в одном из многочисленных боевых сражений эпохи. Остается непонятным, почему это

достаточно важное событие не было отображено на страницах летописей и разрядных книг.

Приведем оставшиеся известные нам данные. Летом 1550 г. Федор Меликдаирович был уже мертв. 25 августа 1550 г. княгиня Евдокия Долголядская дала вклад (50 рублей) по своему мужу в Троице-Сергиев монастырь. 19 августа 1554 г. Иван Грозный дал вклад по душе княгини Евдокии Долголядской 100 рублей. Корм по ним полагался 28 ноября [3, с. 112; 4, с. 139]. Не позднее середины 50-х гг. XVI в. царь послал 100 рублей и драгоценности (шуба, «атлас червчат на золоте») по княгине Евдокии Долголядской, вдове царевича князя Федора Меликдаировича и установил корм по ней 3 мая в Иосифо-Волоцком монастыре. Его жена еще при своей жизни сделала вклад в монастырь на помин души своего мужа 100 рублей и драгоценности (стихарь камчат, ожерелье жемчугом сажено, поручи украшенные золотом и др.) и заказала ежегодный корм на 28 мая [2, с. 15, 40; 12, с. 92]. В Московский Новодевичий монастырь по княгине Евдокии (Царевичеве) также дали вклад 100 рублей. Память отмечали 1 марта [26, с. 186]. В Московском Симоновом монастыре 23 апреля значится корм по царевиче Петре (Худайкуле) Ибрагимовиче и княгине Елене Долголядской в общем купе с кормом по великим и удельным князьям и княгиням (всего 43 имени). Скорее всего, был и вклад, но известие о нем не сохранилось [27, с. 82]. По распоряжению Ивана IV в монастырь было отдельно дано 50 рублей по княгине Евдокии Долголядской [27, с. 29]. По княгине Евдокии отмечен вклад царя Ивана Грозного 100 рублей в Кирилло-Белозерском монастыре. Ее имя было записано в синодик. Также в память по ней полагался корм с поставца (1 марта?) [28, с. 72]. Л. Штайндорф отмечает, что по сложившимся нормам поминальной практики в Иосифо-Волоцком монастыре запись памяти в синодиках и запись кормов в кормовых книгах приходились на день смерти. Поэтому он утверждает, что княгиня Евдокия умерла 3 мая [12, с. 92]. Однако мы показали, что это более чем спорная дата.

Похоронили царевича в малом алтаре Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря. Там же нашли последнее свое пристанище родственники жены царевича – удельные князья Федор Борисович Волоцкий и князь Иван Борисович Рузский. Сохранилось описание могилы царевича в XVI в.: «...гробница деревянная над князем Федором Даировичем. На гробнице покров бархат червчат гладкой. Крест вышит золотом да серебром, слова подпись вышиты белым шолком», «да над царевичевым гробом

икона Пречистые Богородицы Одигитриа, Пядница, обложена серебром». Гробница царевича сохранялась до конца XVII века, до времени строительства нового, существующего и поныне Успенского собора. При его возведении погребение царевича не вскрывали, и оно было оставлено под спудом [7, 13].

В целом нам удалось справиться с поставленной задачей и обозначить основные вехи жизни царевича Федора. Полученные результаты мы также вправе экстраполировать на иных крещенных Чингисидов в России XVI и отчасти XVII вв. Это позволит нам под иным углом посмотреть на многие процессы протекавшие у трона московских великих князей (царей), где татарские цари и царевичи занимали особое положение: формально почти никогда не занимавшие высшие государственные должности они честию находились выше всех бояр и князей.

Список литературы

1. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.
2. Вкладная книга Иосифо-Волоцкого монастыря // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. Вып. 5. М., 1906. С. 1–115.
3. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987.
4. Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М.: Индрик, 2008.
5. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
6. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М., 1965.
7. Фролов М.В., Смирнов Ю.А., Русаков П.Е. Археологические исследования фундамента первого монастырского каменного храма Иосифо-Волоцкого монастыря и погребений, совершенных в его пределах // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008. С. 103–367.
8. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство Московского университета, 1988.
9. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977.
10. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000.
11. Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., 2000.
12. Штайндорф Л. Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2. С. 90–99.
13. Егасова Н.А. Жизнеописание святого страстотерпца Христова царевича Федора Долголядского // Белозерье. Краеведческий альманах. № 3. Вологда, 2007.
14. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 35–55.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. III.
16. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. II. М.; Варшава: Дривлехранилище, 1997.
17. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. М., 1977.
18. Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М.: Дривлехранилище, 2000.
19. Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. XVII.
20. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. V. СПб., 1894.
21. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVI веков // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Дривлехранилище, 2007. С. 9–48.
22. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986.
23. Козляков В.Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007.
24. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИИНСАН, 1991.
25. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Мысль, 1988.
26. Источники по истории социально-экономической истории России XV–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. Ч. 1–2.
27. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
28. Сахаров И.П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки отдела русской и славянской археологии императорского археологического общества. Т. I. СПб., 1851. Отд. 3.

TSAREVICH FEODOR MELIKDAIROVICH DOLGOLYADSKY

A. V. Belyakov

This article is an attempt to summarize all the currently available information about the Kazan tsarevich Feodor Melikdairovich Dolgolyadsky. It provides sufficient grounds for understanding the status of some baptized Tatar tsareviches in Russia in the first half of the 16th century, whose biographical details have been lost.

Keywords: descendants of Genghis Khan, Feodor Melikdairovich Dolgolyadsky, Russia in the 16th century, policy of Christianization of Muslims.